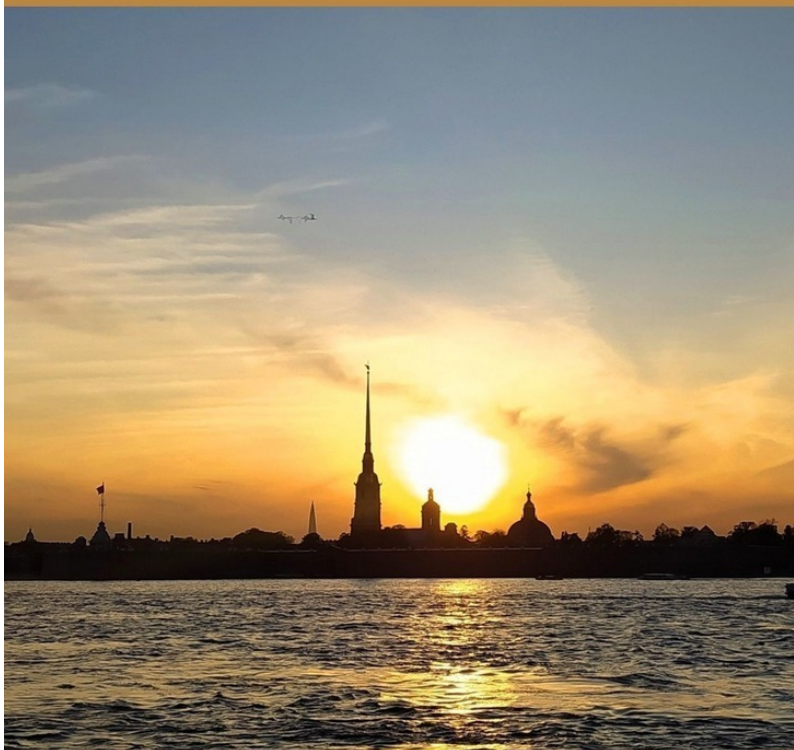


Виват, Петербург!

Выпуск 8



Наталья Смирнова
Виват, Петербург! Выпуск 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69942508

ISBN 9785006081987

Аннотация

В книгу вошли произведения участников литературного объединения «Виват, Петербург!»: поэзия, проза, стихотворения юных поэтов.

Содержание

Предисловие	7
НАТАЛЬЯ СМИРНОВА	12
Больше, чем любовь...	12
В обнимку	13
Букет. Посвящение родному городу...	14
Июньское танго	15
А мы с тобой – из города дождей...	16
На Невском	18
Танго на Фонтанке	19
Август в январе	20
Родина	21
Осень в скверике Виктора Цоя	22
Вечная музыка и пальто в гардеробе	23
Чёрно-белая осень	27
УЛЬЯНА ОПАЛЕВА	30
«А Питер как всегда прекрасен...»	30
«Бесконечная неба серость...»	32
Из Петербурга в Вифлеем	33
Осень поздняя. Город Питер	34
Утро	36
Невесомость	37
Межсезонье	38
Своя тропа	39

«Когда мне шагнуть случится...»	41
НАТАЛЬЯ ЗАПРЯГАЕВА	43
Классицизм в Санкт-Петербурге	43
Сталинский ампир в Ленинграде	44
Исповедь старого баркаса из Новой Ладogi	46
Старый Новый год в Петербурге	48
Кондуктор	49
Осень	50
Первый снег	51
Вечер	53
Ночь разберу...	54
Первый скворец	55
Дуб на Елагином острове	56
Медленная осень на Долгом озере	57
Спасибо Анне Иоанновне	59
Предновогодние мечты	60
Старый сад	62
МАРИНА ЦАРЬ ВОЛКОВА	64
Рождественское	64
Огоньки и туманы	65
Письма белые	66
Писатель	67
Сентябрь в Павловске	69
Созвездие белого шиповника	70
Сосна	72
Ночи белые над садом	73

Кальвадос	74
А прабабушка очень любила сирени	76
Февраль	78
Душа закону высшему верна	79
ТАТЬЯНА КОСАРЕВА	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Виват, Петербург!

Выпуск 8

Редактор, корректор Наталья Смирнова

Составитель Марина Царь Волкова

Графический дизайнер Варвара Волкова

Фото на обложке Марина Царь Волкова

ISBN 978-5-0060-8198-7 (т. 8)

ISBN 978-5-0060-8199-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Здравствуйте, дорогие друзья!

Представляем Вашему вниманию очередной, восьмой выпуск литературно-художественного альманаха «Виват, Петербург!»

Как и прежде, на страницах альманаха – чистые, искренние, прекрасные стихи и увлекательная проза. А также обязательный детско-юношеский раздел «Слово юным петербуржцам», в котором своими первыми литературными опытами делятся наши молодые поэты.

В 2023 году исполнилось ровно 10 лет с рождения нашего проекта и публикации самой первой книги. За это время коллектив наших авторов стал настоящей командой. И теперь «Виват, Петербург!» – литературное объединение и клуб близких по духу и интересам творческих людей.

В планах творческие встречи, экскурсии, печать книг, обмен опытом. И просто – тёплое и душевное общение, которого так не хватает сейчас.

Наша книга теперь посвящена не только любимому Городу, в ней представлены разные темы, которые тревожат и вдохновляют наших авторов.

Чем темнее и труднее времена, тем дороже даже самые крохотные капельки света. Чем больше зла вокруг, тем цен-

нее доброта. Мы, ленинградцы и петербуржцы, знаем, что музы не молчат даже в войну, а доброе слово от сердца способно поднять дух и излечить недуги. И что победить можно только вместе.

И поэтому мы вновь собираемся все вместе на этих страницах, чтобы сказать:

Виват, Петербург!

ЛИТО "Виват, Петербург!"



***Осенняя встреча. 15 октября 2023 г.
Концертный зал Дома Романовых
(Санкт-Петербург, Полтавская ул. 14Д)***

НАТАЛЬЯ СМИРНОВА



***Поэт и прозаик, член ЛИТО "Виват, Петербург!",
член РСП, автор нескольких сборников.***

НАТАЛЬЯ СМИРНОВА

Больше, чем любовь...

Я сегодня пройду по Фонтанке, вдоль Летнего сада,
Полной грудью вкусив аромат распустившихся лип.
Ты, конечно, со мной, мой властитель, Судьба и отрада,
Мой единственный Бог – лучший город огромной Земли.

Я к тебе приросла, прикипела с момента рождения,
Каждый жест твой и вздох ощущая в Душе и в крови.
Может, то не любовь... а всего лишь мираж, наваждение?
Может быть, не любовь, а гораздо сильнее любви.

В обнимку

Мы с тобою пройдем в обнимку
И сегодня, и каждый вечер.
И совместные наши снимки
Улетят для потомков в Вечность.

Я на всё для тебя готова,
Всё сумею, смогу, познаю
И пойму тебя с полуслова.
Вот такая любовь земная.

Мы хранимы одной Судьбою,
Наши узы навек нетленны.
Я в обнимку иду с тобою,
Лучший город во всей Вселенной.

Букет. Посвящение родному городу...

*Родному Петербургу-Ленинграду в День его
Рождения посвящаю...*

Майский ласковый день, облака суетятся в реке,
В День рождения твой долгожданное Солнышко вышло.
Петербург. Ленинград. Я дарю тебе... просто букет
Из душистых черёмух, сирени и веточек вишни.

В нём невольно искрятся аллеек твоих витражи,
Пробивается свежесть чарующих Невских рассветов.
Может быть, в этом хрупком букетике – вся моя жизнь,
И она – для тебя. Ты, конечно же, чувствуешь это.

Может, в сердце одном не бывает так много любви?
Но ведь есть она. ЕСТЬ. Без корысти, без лести, без фаль-
ши.

И во имя любви расцветай, дорогой, и живи
И сегодня, и завтра, и дальше, и дальше, и дальше...

Июньское танго

Строптивное сердце внезапно забилося свирелью,
И белую ночью светло, словно радостным днём.
А в воздухе пахнет дождём и персидской сиренью.
Июньское танго звучит в Петербурге моём.

Волшебное танго любви расплескалось повсюду,
Сиреновой ранней зарёю спустившись к реке.
И каждый из нас, несомненно, уверовал в чудо,
Пятилепестковое счастье сжимая в руке.

И даже суровой зимою порой будут сниться
Волшебные тайны июньских сиреневых снов,
Где белая ночь, осторожно лаская ресницы,
Исполнит «на бис» искромётное танго без слов.

А мы с тобой – из города дождей...

Светлой Памяти моей мамы в её День Рождения.

Сегодня, в День Рождения мамы, с утра льёт дождь, и синоптики обещают осадки в течение всего дня. Но нам не привыкать. Мы из «Города дождей» – лучшего города Земли. Правда ведь, Солнце моё?..

Опять плывут стальные облака,
И ласковый Июнь слегка простужен.
Грустить не будем. Нам не привыкать
Смотреть, как капли прыгают по лужам.

Ведь мы с тобой из «города дождей»,
Мы с ним Судьбою связаны, родная.
С ним можно быть и в счастье, и в беде,
Но без него нельзя прожить, я знаю...

Он словно Ангел, добрый и большой,
Такой родной, что слёзы счастья – градом.
Конечно, где-то тоже хорошо,
Но только мне-то этого не надо.

Мне больно с ним расстаться и на миг,
Хоть иногда приходится. Что делать...

Но он-то знает, он давно привык,
Что я вернусь волшебной ночью белой.

А, может, хмурым утром сентября
Вдруг пролечу, как птица, над перроном.
Иль в час, когда апрельская заря
Ласкает слух скворцовым перезвоном.

Вернусь всегда – и он уверен в том.
В его душе мы все давно, как дети,
Которых ждёт и непременно встретит
С большим, как небо, стареньким зонтом.

И словно в незатейливом кино,
Не замечая серого ненастья,
Я тихо прошепчу: «Привет, родной.»
И вдруг заплачу...
под дождём...
от счастья!

На Невском

А на Невском опять суета, суета...
Повседневная дань неуёмной Судьбе.
Словно Клодтовы кони сбежали с моста,
Искромётной рысцей растворившись в толпе.

А на Невском опять непокой, непокой...
От потока людей – наяву миражи,
Словно кто-то тихонечко машет рукой
Или целой рекой под названием «Жизнь».

А на Невском опять то мороз, то жара,
То крикливое Солнце, то взбалмошный дождь.
И со светлой тоской провожая «вчера»,
Вновь от «завтра» чего-то волшебного ждёшь...

Танго на Фонтанке

На старенькой Фонтанке
Волна танцует танго,
А вместе с ней поёт моя Душа.
И хочется, как прежде,
Раскрыть окно надежде
И жизнью наслаждаться не спеша.

Ах, танго, танго, танго!
Звенит-поёт Фонтанка,
А вместе с ней танцует Летний сад.
И, словно Солнца лучик,
Поймав счастливый случай,
Вновь хочется поверить в чудеса!

Август в январе

*Посвящаю Саду 9-го января – прекрасному саду
моего счастливого детства.*

Снова сквозь Алый парус на мир смотрю,
Мне от привычки той никуда не деться,
Снова спешу средь августа к январю —
Там, на его дорожках, осталось детство.

Сколько же лет промчалось? Помилуй, Бог!
Жизнь заставляет изредка встрепенуться.
Рано ещё всему подводить итог,
Но почему-то тянет туда вернуться.

Там, как и прежде, ярче встаёт заря,
Листья нежнее светятся изумрудом.
И, возвращаясь в «августах» к «январям»,
Каждый из нас, наверное, верит в чудо.

Родина

Посвящаю родному Автово – району на юго-западе Санкт-Петербурга (Ленинграда), в котором я родилась. Там же находится самая красивая в мире станция метро, построенная в 1955 году.

Спускаюсь в метро. Ну, здравствуй, родная станция —
Подземный большой дворец, или детства музыка.
И мысленно вновь слегка закружусь как в танце я,
Слагая куплет, подсказанный пылкой Музой.

О, сколько дорог исхожено в жизни, пройдено.
Но только сюда вернусь навсегда однажды я,
Есть много красот на свете, но это – Родина,
Особенный мир, и свет, и тепло для каждого.

...

Живите, друзья, не вздумав на жизнь обидеться,
Творите Судьбу, не внемля её пародиям,
Пусть счастье для вас всегда многоликим видится,
Хранимое тем, что с детства зовётся Родина...

Осень в скверике Виктора Цоя

Осень в скверике Виктора Цоя —
Пожелтевшие листья трусцою
Всё летят и летят, и снуют, и снуют,
Словно тоже о жизни поют.

Осень в скверике Виктора Цоя
Мне тихонько посмотрит в лицо и
Незаметно оставит свой след навсегда,
Как по имени Солнце звезда...

Вечная музыка и пальто в гардеробе

Светлой памяти моей мамы...

Вечер обещал быть прекрасным, ибо сегодня нам предстояло, наконец, посетить Филармонию. Для гурманов классической музыки, каковым являюсь и я – это настоящее большое событие. Я бы даже сказала – таинство соприкосновения с прекрасным. Много изменилось за последние годы. Билеты теперь покупаются онлайн. Да и распечатывать их не надо, достаточно предъявить штрих-код в телефоне. Но магия классической музыки остаётся неизменной. Долго без неё прожить нельзя, сразу создаётся ощущение нехватки чего-то очень важного и необходимого.

Память тут же перенесла меня в начало века, в так называемые «нулевые», когда народ, прошедший горнило несносных девяностых, стал вновь возвращаться в театры. Конечно, наша семья не прекращала посещение театров даже в то несносное десятилетие, но очень уж грустно было видеть полупустые зрительные залы, порою заполненные всего лишь на треть.

И вот в начале века картина изменилась. Опять аншлаги. Как приятно! В те годы мы с мамой часто ходили в Филармонию, очень часто. Я всегда любила классику, а для мамы она и вовсе была сродни воздуху, без которого само су-

ществование невозможно. Мы приходили заранее, ибо мама всегда обожала просто посидеть перед концертом в зрительном зале, почувствовать его ауру или постоять в фойе среди портретов Великих композиторов. А аура в Филармонии, действительно, была потрясающей. Как и публика! Тактичная, высококультурная, искренняя, лишённая всякого снобизма и пафоса, иными словами – та самая Ленинградская интеллигенция, пришедшая к нам из далёких военных и первых послевоенных лет. Она всегда была особенной. И, находясь среди них – уникальных, замечательных людей уже уходящей эпохи – я ощущала настоящий прилив сил. А мама же и вовсе являлась частью той эпохи, поэтому чувствовала себя, как дома. Обладая врождённой культурой речи, она легко могла найти собеседника – как среди зрителей, так и среди служителей Филармонии. Особенно запомнилось её общение с одним молодым гардеробщиком. А точнее – студентом Консерватории, подрабатывающим по вечерам в гардеробе. Как и когда они разговорились впервые – я уж и не припомню, но беседы стали регулярными. Поскольку приходили мы заранее – очереди в гардеробе ещё не было. И за те две-три минуты, пока я поправляла причёску перед зеркалом, мама со своим собеседником успевали поделиться впечатлениями о композиторах, исполнителях, да и просто о музыке. В конце диалога она всегда желала ему удачи, а он ей – здоровья.

Казалось бы – что общего у совершенно незнакомых людей, между которыми полвека, а то и более. О чём они могут

разговаривать? Но они говорили и говорили. Мама смотрела на него с теплотой. Возможно, видела в нём образ внука, которого у неё никогда не было. А, может, просто была благодарна молодому человеку, решившему посвятить себя великой музыке в то время, как его ровесники в те годы почти поголовно мечтали стать бизнесменами. Он же смотрел на неё с безграничным уважением и даже восхищением. И это было отнюдь не только уважение к ценителю высокого искусства. Иногда мне казалось, что, общаясь с ней, он пытается запомнить в её лице тот самый образ настоящей Ленинградской интеллигенции, которая начинала потихоньку уходить, ибо никто в нашем мире не живёт вечно.

Как-то раз в Филармонии был джазовый вечер. И мы тоже посетили его, но не с мамой, а с подругой. Наш гардеробщик заулыбался, увидев меня после концерта, и подал моё пальто даже прежде, чем я отдала ему номерок.

– Ты его знаешь? – удивилась подруга.

– Это знакомый моей мамы.

– Мама?!?!

– Да. Он студент Консерватории.

– И где же они познакомились?

– Здесь, в гардеробе. И меня он запомнил по ней. Я же всегда её сопровождаю...

Последний раз мама посетила Филармонию в сентябре 2012-го года. На открытии сезона звучала наша знаменитая «Ленинградка» – Седьмая симфония Дмитрия Дмитриевича

Шостаковича. Знакомый гардеробщик к тому времени уже окончил Консерваторию и, вероятно, приступил к работе. Мама искала его глазами среди оркестрантов, ей почему-то казалось, что он непременно будет в оркестре Александра Сергеевича Дмитриева. Но его не было. Да и разглядеть оркестрантов не представлялось особо возможным, ибо во время исполнения «Ленинградской» на глаза всегда наворачивались слёзы...

В феврале следующего года мама ушла в Вечность... И только через три месяца после этой трагедии я смогла переступить порог нашей Филармонии. По ступенькам поднималась, как в тумане, поздоровалась с билетёршами.

– А где же Ваша мама? – неожиданно поинтересовалась одна из них. – Что-то её давно не было.

С трудом сдержавшись, чтоб не расплакаться, я сообщила им, что в реалии в этот зал мама больше не придёт, но незримо всегда будет в нём присутствовать... где-то там, на хорах, над оркестром...

Эмоции переполняли. Это и пронзительная горечь потери, но в то же время и гордость – гордость от того, что маму помнят. Прошло восемь месяцев со дня её последнего визита, но её помнят в этом «Храме» Ленинградской интеллигенции – той уникальной формации людей, которой уже практически не осталось, но она обязательно возродится. И дело совсем не в названии, а в нашей человеческой сущности. И я почему-то в нас верю...

Чёрно-белая осень

История одной фотографии

Жизни былыми страницами
Светится старый альбом,
Цифрами, датами, лицами —
Где, почему и о ком?

Осень на острове Каменном —
Как же прекрасна она!
Искренна, чувственна, пламенна,
Словно хмельная Весна.

С лёгкой улыбкой на фоне я
Осени этой стою,
Ей сочиняю симфонии
И серенады пою.

Что же в ней столь необычного?
Многим понять не дано.
Фото – привычней привычного
И чёрно-белое, но...

...Время прекрасное было тогда,
Все ещё живы, и я молода...

УЛЬЯНА ОПАЛЕВА



*Поэт, член ЛИТО "Виват, Петербург!" и
мастерской Ратнера, автор многочисленных
публикаций.*

УЛЬЯНА ОПАЛЕВА

«А Питер как всегда прекрасен...»

А Питер как всегда прекрасен
И стоит всех сожжённых свеч,
Не разбирая ипостасей,
Течёт его прямая речь.

Он – город-дымка, влагой пенной
Играет ветер соляной.
Он – город-театр, с мизансценой
За каждой каменной стеной.

Он – пилигрим в имперском платье,
Герой, и воин, и пророк.
Он – город-чудо, это, кстати,
Прочесть возможно между строк.

И узнаваем, и не узнан,
Жемчужен и посеребрён.
Он – город-миф, с крылатой музой
На бельведере обручён.

Из колыбели возрождения

Он – и магистр, и филантроп.

И полумрак, и полутени

Тесней окутывают, чтоб

Контрастней лился свет сердечный,

Горел божественный янтарь.

Он – город-пламень, город-встреча...

«аптека, улица, фонарь».

«Бесконечная неба серость...»

Бесконечная неба серость,
За окном морозящий дождь.
Это Питер, а не Палермо,
Лучик солнца как манну ждёшь!

Здесь печаль разлилась в природе
Тишиной торфяных болот...
Привыкаешь и к непогоде,
И к тому, что седой небосвод

Над тобою бетонной крышей,
А заплаканные дома
Чуть темнее, как будто ниже,
И обиженная зима,

Отложив белоснежные платья,
Бродит нищенкою больной.
Только стены соборов ратью
Ополчаются за спиной.

Из Петербурга в Вифлеем

Зима, не начавшись, успела истаять,
И улица стала литая, пустая:
Отёсаны камни, размётаны люди,
И то ещё будет, и то ещё будет.

Здесь бродят слонами морские циклоны.
Здесь верить прогнозам, пожалуй, не склонны.
Здесь искренность неба в бетонном квадрате,
И этого хватит, и этого хватит.

Солёные камни, тягучие мысли,
И в чём-то сокрыта жемчужина смысла,
Ныряться трудно в предвечное слово,
И это не ново, и это не ново.

А где-то вне времени звёздные тропы
Ведут сквозь всемирные воды потопа,
Корабль Вифлеема качают верблюды,
Рождается чудо, великое чудо.

Осень поздняя. Город Питер

Этот город колюче сер
И по виду надрывно мрачен.
Просто он из возможных эр
Эрой осени обозначен,

Что неспешно и грустно пьёт
Остывающий кофе странствий,
Аскетичное сняв жильё,
Всё мечтает о постоянстве.

Не вдовица и не жена,
Не кокетка и не матрона...
Убывающая луна,
Несияющая корона,

Превращенная в бурый тлен
Вперемешку с болотной тиной,
И продрогшие плечи стен
В ожидании карантина.

Только есть и подход иной —
На бесцветье заметить знаки:
Между небом с бронёй стальной
И землёй в камуфляже хаки

Есть рубиновые плоды —
Пенье рифм в бормотанье прозы.
От попавшей в глаза звезды
Непрозрачны бывают слёзы.

Утро

Город собран, город убран,
Город полностью готов,
Чтоб субботним спелым утром
Собирать пожар костров
Из осеннего раздолья,
Огнедышащих красот.
Белым перцем, бурой солью
Солнце сыпется с высот.
По Московскому налево
Парк колышет в тёплой мгме
Осень. Спящей королевой
замирает на дуге
У центрального фонтана.
Неподвижна и свежа.
Неужель это не странно
Торопиться и бежать?
То по графику работа,
То по графику дела...
А сентябрь беззаботно
Бьёт во все колокола.

Невесомость

Быть во времени невесомой,
Цельнокроеной, кочевой,
И, сжимая ключи от дома,
Прошуршать огневой листвою,
Растянув на пятьсот мгновений
Только этот недолгий миг,
В тишине до того келейной,
Что не слышно шагов своих.
Слабый шелест и шорох мыслей,
Осыпающихся в пути,
А с ветвистой верхушки мыса
Парашютик ко мне летит,
Зацепился кленовым шёлком
За шершавый рукав осок.
Счастье милое, к нам надолго
Или так, на один часок?
Помещаются ли в лукошко
Многоценные все дары?
А листок постоял на ножке
И опять надо мной парит.
Эта нота осенней саги
И в миноре почти светла,
Словно лист золотой бумаги
Отражается от стекла.

Межсезонье

Так бывает, не все поймут.
Так бывает, совсем не любят.
Это, верно, сизифов труд —
На восточном и злом ветру
Убегать от унылых будней.

Когда запад притворно ал,
Когда север – отец и крёстный,
Увлажняя дождем глаза,
На московский идти вокзал,
Провожать соляную осень.

Без размена даётся жизнь.
Без размена – одним пакетом.
Не запомнишь, так запиши.
Неделимая плоть души
Навсегда понимает это.

И тягучая темень век,
И тягучий калёный морок...
Всё проходит. Играет снег.
И трамвай, как святой ковчег,
Забирается на пригорок.

Своя тропа

Полагаю, любовь права,
Когда любит без объяснений.
У меня есть своя тропа,
Наподобие той, оленьей.
Но не в джунглях и не в лесах,
Не в степях и болотах вязких —
Тротуарная полоса
До одной кольцевой развязки*.
Вдоль неё жемчуга дворцов
Не нанизаны ожерельем,
Здесь ветра холодят лицо
Сентябрём, февралём, апрелем,
На рогатку похожий спуск
Обозначен скупой разметкой...
Но люблю я свою тропу
Каждой бьющейся в теле клеткой.
Вплоть до клеточного ядра
Колорит её мил неброский,
Могут камни в себя вбирать
То же солнце, что и берёзки.
Могут память они хранить,
Полагая о ней заботу...
И вырастают корнями дни
В зеленеющий полог ДОТов.
Здесь разорванного кольца

Кровоточит поныне сердце**.
Так заходит любовь с торца,
Чтобы выжить и обогреться,
Чтобы вжиться. Во времена
Неприятя и бедлама
Ей одной подперта стена
То ли плача, а то ли храма.
Переход, и конец тропы,
Всё кончается, что поделать.
Будет стрелка победно плыть
В циферблате с гранитной Стелой.

*пеший путь вдоль Пулковского парка
и площади Победы в районе Петербурга,
известном как Средняя Рогатка

**монумент Защитникам Ленинграда,
возведенный в память о подвиге горожан
во время Великой Отечественной войны

«Когда мне шагнуть случится...»

Когда мне шагнуть случится
За грани земных дорог,
С собой унесу крупницы
По-детски наивных строк,
Горчичное семя веры
И тихую радость дней,
И солнце, что вглубь пещеры
Доходит в стране теней,
И жажду отцовской силы,
Спасающей из огня,
И Слово, что приручило
И выучило меня.

НАТАЛЬЯ ЗАПРЯГАЕВА



***Петербурженка, философ по образованию.
Действительный член АРСИИ имени
Гр.Державина, член Российского
Межрегионального союза писателей.***

НАТАЛЬЯ ЗАПРЯГАЕВА

Классицизм в Санкт-Петербурге

В самом сердце Петербурга поселился этот стиль
И задумчивые воды стройностью заворожил.
Удлиняются колонны и колышутся слегка —
Образ красоты державной убаюкала река.

Как не вспомнить Филофея – возродился Третий Рим.
На двойное воплощенье в восхищении глядим.
В вечной сырости и дымке реют светлые дворцы.
Щедро тайной, лёгкой силой одарили их творцы,

Итальянцы и французы – с русской странною мечтой,
Полюбившие Россию, слившуюся с их душой.
А потом – плеяда русских: Воронихин, Львов, Старов,
Подарившие столице блеск и торжества покров,

Воплотившие мечтанья о величии страны,
Чтоб монументальной силой были все покорены,
Красоту, размах, просторы всей душою полюбив,
Рай другой бы не искали, силы здесь свои вложив.

Сталинский ампир в Ленинграде

Проектов – триста. И из них
Всего десяток типовых!
Так строился наш Ленинград
Лет шестьдесят тому назад.
Запомнил это время мир
Как славный сталинский ампир.

Прекрасно Сталин понимал —
Народ от войн давно устал.
От бед лекарство – красота,
Задач и планов высота.
И каждый дом особым стал —
Народ советский восславлял
За вклад в победу, ратный труд,
За хлеб и за добычу руд...

Цветы, колосья и плоды
В фасады зданий влюблены...
Колонн дорических отряд
Гармонию дарил и лад,
Парадность, стройность, торжество...
В века смотрели далеко
Просторы новых площадей,
Проспектов – для простых людей.

Ампир ушёл и в глубину.
По Первой линии пройду:
Блестят подземные дворцы,
Как драгоценные ларцы.
Колонны, камень и металл...
В метро ампиру – высший балл!

Сперанский, Гурьев, Журавлёв —
Дарили городу любовь.
Их планка высока была —
И стали мощными дела.

Исповедь старого баркаса из Новой Ладogi

Я бился с волнами, работал, как вол.
Теперь стал не нужен и встал на прикол.
Волна далека, в сушу днище вросло,
Промчатся сквозь шторм мне уже не дано.
Приснится порою шипенье волны,
Седые под ветром воды буруны,
Тот шкипер отважный, и добрый улов...
И снова, мне кажется, крепок и нов
Мой корпус. Внутри механизмы шумят.
Очнусь... это топот шумливых ребят.
Бывают и страшные сны в эти дни:
Мне слышно далёкое эхо войны,
Когда мы рвались сквозь блокады кольцо,
А огненный смерч бил наводкой в лицо...

Давно уж на участь свою не ропщу,
И в каждом моменте свой смысл ищу:
Вот, ржавую грудой железа не стал,
В утиль иль на свалку бездумно не сдан.
Пусть, вместо волны, под стальными боками
Покоится конский щавель с лопухами,
Но люди приходят, цветы мне несут —
За подвиг военный, за мирный мой труд

Старый Новый год в Петербурге

Тускнеют огни и слезится зима —
Опять не случилась её ворожба.
Весна встрепенулась, и, вспыхнув теплом,
Разрушила мир, заколдованный сном.

Поплыли сугробы, и небо плывёт,
Теряет свой глянец подтаявший лёд,
И голуби снова хрипят о любви...
Очнись же, зима, и морозы верни!

Верни снегопад из снежинок резных
И вечер, что в дымке морозной затих,
Те синие тени и блеск слюдяной,
Дорожкой лежащий под светлой луной...

Январь на дворе! Напрягись, подморозь.
И крылья из снега слепи для берёз.

Кондуктор

Кондуктор... вновь гонение по кругу.
Дома плывут, знакомые в лицо.
Кивает им, как искреннему другу.
Домам, похоже, это всё равно.

Автобус едет сквозь жару и холод,
Сквозь пыль дорог, качаясь кораблём.
Кондуктор наш давно уже не молод,
А роль его – на корабле старпом.

Волнами набегают пассажиры,
Их недовольство пеной обдаёт.
Кондуктор, словно рыцарь на турнире,
В шумящей давке айсбергом плывёт...

Осень

Светлеют окнами соседние дома,
В них солнца лик, пробившись из-за туч,
Играет бликами... Светлеют небеса,
По комнате крадётся тонкий луч.

Как на иконе древней, спящий парк
Расписан охрой с тёмно-золотым,
А дальний храм вдруг показался мне
Таинственным, из золота литым.

Миг... встрепенулся ветер – и поплыл,
Проснувшись, парк, теряя свой покров,
На грудь приняв осеннюю волну,
Стряхнув с листвою роскошь летних снов.

Под этот вздох осеннего огня
Восторг родится в сердце у меня...

Первый снег

Сегодня выпал первый снег.
Он нежен был и чист.
Лежал он ровной пеленой,
Для строчек гладкий лист.
На нём писали свой узор
Машины и шаги,
А дворники, не покладая рук,
Усердно снег скребли.

Но всё же был один момент,
На краешке ночи,
Когда был девственен и пуст,
Во власти тишины,
Когда, как тайна дальних сфер,
Манил и чаровал...
Фонарь, светящийся в ночи,
В нём сказку рисовал.
Снег светел был и отстранён
От суеты земной,
Был приземлён, но вдохновлён
Небесной вышиной...
И в душу холод проникал,
Ведя с рассудком торг:
Тебе решать – печаль зимы
Иль красоты восторг.

Вечер

Подсветка штрихует заснеженный город,
Дома, словно призраки, скрылись за выюгой.
Развеяны грёзы, обман нам не дорог.
Сквозь стену из снега увидим друг друга?
Разобраны звуки на снежные нити,
Безмолвие тянет дрожащие руки...
Холодные искры вбиваются в губы,
И прошлое снова так больно целует,
Скорей отвернуться от колкостей снега.
Пусть ветер толкает неласково в спину,
Ведь выюга печаль оправдает, укроет,
Украсит, в себе затеряет... растает,
Наш город имперский в зиме засверкает.

Ночь разберу...

Ночь разберу на пряди
Сумрака с лунным блеском.
Снова фонарь на страже.
Кольшется занавеска.
Ветер шумит опахалом
Холода и тревоги.
Треплет листву несмело,
Скользя по небесной дороге.
С севера гость незванный —
Осень несёт и сырость.
Осень любить так странно —
Старость принять как милость...

Первый скворец

Среди сугробов белоснежных
На ветке пел скворец так нежно,
Светясь на солнце бриллиантом.
Весну он призывал с талантом,

Окрепшим в дальних жарких странах.
И что ж, что прилетел так рано —
Он солнца утверждал сиянье,
Зимы уход, с весной братанье.

Трепал холодный ветерок,
Как нимб, поднятый хохолок,
Дрожало горлышко и пело.
Душа, откликнувшись, теплела.

Дуб на Елагином острове

Вот он – огромный дуб-старик...
Прильну к нему на миг —
Услышу шум былых веков,
Ветвей могучих скрип.

Под кожи мощною бронёй
Течёт неслышно сок.
Три века гордо дуб стоит,
Раскидист и высок.

Как говорят, он знал Петра,
Быв молодым дубком.
Видал он царские дела,
С забавами знаком.

Скрывал он много юных пар
От снега и дождя,
И видел много странных снов.
В один приду и я...

Медленная осень на Долгом озере

В шуршании листьев в пространстве бреду,
из времени выпав, впад в осень.

В небе высоком средь стрел-облаков
нестерпимая просинь.

Плотно одеты в листву златоцветную
только берёзы и ивы,

Все остальные деревья сквозят
небесами красиво...

На серебристой воде наслаждаются
солнцем кувшинки.

Скоро ударят морозы ночные —
останутся хрупкие льдинки.

Медленно булку крошу и кидаю
в холодную воду,

Уткам спокойным, возможно, сегодня
не очень голодным.

Словно по небу, плывёт, разлохматившись,
облако булки.

Чайка подруг призывает, крича
хлопотливо и гулко.

С самого дна бьют струей пузырьки —
что за призрак подводный?

Дышит сквозь ил родничок, выполняя
свой долг первородный.

Кажется, было всё это вчера,
и сегодня, и завтра пребудет...
Пусть этот тихий и солнечный день
обо мне никогда не забудет.

Спасибо Анне Иоанновне

Анна Иоанновна город наш спасла:
Из Москвы столицу вновь перенесла
В Петербург, оставленный при Петре Втором.
Город спал, казалось, мрачным, тяжким сном,

Зарастали улицы ивняком и мхом.
Жители разъехались следом за царём,
Их Первопрестольная манит вдаль рублём,
Калачами, пасхами, обжитым углом.

Но, как громом грянуло: вновь столица здесь!
У императрицы нрав и воля есть,
За Петром Великим Анна в путь идёт,
В Петербург брошенный тянется народ,

Едет люд ремесленный, едут господа,
Будет здесь работа, роскошь – навсегда!
Пусть Москва ленивая стариной живёт,
Петербург при Анне снова расцветёт,

Вновь растёт и строится, миру напоказ,
Аннинским барокко восхищая нас.

Предновогодние мечты

Как красок в жизни не хватает,
Придумать чтоб свою страну,
И золотом луну окрасить —
Чтоб любоваться на луну,
Когда она, блистая важно,
Над горизонтом всходит влажным,
Вся в перламутровом плену.

И солнце б в алый цвет покрасить,
Чтоб, словно огненное сердце,
В сиреновом тумане утра
Оно рождалось, высекая
Сто тысяч миллионов радуг,
Повисших сонно на лугу.

А снег представить семицветьем,
Чтоб он сверкал, переливаясь,
Густея синевой в тени...
Чтоб жили в городах огни,
Без устали встречая радость...

Ещё б улыбками раскрасить
Людей всех души на земле.
Пускай они в моменты счастья
Не остаются безучастны

И твёрдо скажут «Нет!» войне.

Старый сад

Как гребешком, расчёсан старый сад.
Дорожек пряди по земле струятся,
И солнце сквозь листву бросает взгляд,
Мозаикой лучи его ложатся —
Пятнистой шкурой, что дрожит слегка.
Дробится в лужах небо голубое,
Повисла дымка в воздухе, легка...
Вот счастье! Как и жизнь – оно простое...

МАРИНА ЦАРЬ ВОЛКОВА



***Поэт, член ЛИТО "Виват, Петербург!",
автор нескольких поэтических сборников***

МАРИНА ЦАРЬ ВОЛКОВА

Рождественское

Инеем укутаны дома,
В огоньках рождественских аллеи.
А рука в руке – гулять теплее.
Город мой, к лицу тебе зима!

По мостам замёрзшим в новый год
Мы пройдем легко и невесомо,
Улыбаясь улицам знакомым,
Не грустя о том, что всё пройдет.

Фонарей оранжевых круги,
Ветер, что играет кромкой платья,
Медленные, долгие объятья,
Быстрые, летящие шаги —

Мир объяла снега белизна,
Но глазам не скрыть, как ты мне нужен, —
В зелени цветёт среди зимней стужи,
Прячась под ресницами, весна.

Огоньки и туманы

Огоньки на мосту и туманы —
Белый пар над застывшей Невой.
Я бегу на работу. Так рано —
Только снег над моей головой,

Будто в вальсе, кружится, сверкая,
Так легко заметая следы.
Убежавшему в утро трамваю
Тонко вторят звенящие льды.

Заметеленный, предновогодний,
Город чутко встречает зарю.
Я по улицам зимним сегодня
Словно в сказке волшебной, парю.

И душе так спокойно мятежной
Знать, что где-то в лесной тишине
Ты проходишь тропинкою снежной,
Улыбаясь снежинкам и мне.

Письма белые

Оттепель. Почки набухли, смелые,
Тянется к небу сквозь лёд росток.
Мне бы писать тебе письма белые,
Чтобы всё красное – между строк.

Чтобы сирень расцвела душистая,
Нежностью в окна струясь квартир.
Чтобы вернулось родное, чистое,
Самое важное слово «мир».

В снах заблудившись большого города,
Тихую песню всю ночь пою.
Как же мне важно среди тьмы и холода
Добрую душу сберечь твою.

Писатель

Дрожит усталая рука, как будто не тверёз...
Как чьи-то мысли – облака, летящие меж звёзд —
Затейливей и краше нет тех облачных фигур.
...Всю ночь горит в оконце свет. Зелёный абажур

Уютным зонтиком сокрыл словес чудную вязь.
О, сколько сказочных чернил истратил я, смеясь
Над смертью, страхом и тоской! Но плакал вновь навзрыд
О скудной памяти людской, в которой лад – забыт...

Мой славный род! Мой милый край! Не вам идти на дно.
Сшивай, перо моё, сшивай историй полотно!
Я возрождал и исправлял, не мысля зачеркнуть
Ни строчки. Сердцем вещим знал: забвение – не путь.

И даже если мучит стыд, и если жить невмочь,
Никто не должен быть забыт!.. Неслышно тает ночь.
Росы живое серебро дрожит на васильках.
Скрипит, скрипит моё перо, рассеивая в прах

Сомнений тьму. Зари лучи касаются ресниц.
От доброй Вечности ключи я спрятал меж страниц.
Встаёт рассвет, горяч и ал, знаменьем на пути.

Кто Книгу Жизни написал, тому легко уйти.

Сентябрь в Павловске

Весёлый шмель по-летнему гудит —
Пушистый шар парит над георгином.
Осенний день не ведаёт обид,
Он шлёт тепло и свежий ветер в спину.

Опавших листьев танец меж колонн
Уму покой даёт, душе – отраду.
Ах, как прекрасен юный Аполлон!
Вот-вот сбежит от древней колоннады

Вниз по тропе, подальше от людей,
(Не стоит смертным видеться с богами).
Здесь под дубами столько желудей
Лежат ковром, хрустящим под ногами,

И друг Эол в звенящей ворожке
Лесных ветров, поёт, лаская лиру,
Что без меня не пишется тебе,
А без тебя – так неуютно миру.

Созвездие белого шиповника

Успеть бы надышаться красотой,
Не прятать душу в сумрачные латы.
Шиповник над гранитною плитой
(мы лишь за гранью твёрды и крылаты)

Душистые роняет лепестки,
И вот уже не видно полустёртых
Ни букв, ни цифр. А мысли так легки,
Что не тревожат ни живых, ни мёртвых.

И я не знаю, с кем осталась тут,
Но знаю верно: только в правде сила.
Меня в созвездье том не упрекнут
За то, что так безудержно любила

Не только лишь берёзку за окном,
Реки изгиб, смородину на блюде...
Ведь Родина – один наш, общий дом,
И в нём всегда всего важнее – люди.

И если в них любой летит снаряд,
То мне он точно в сердце попадает.
Не отмотать тяжёлых лет назад,
Всё меньше на Земле родная стая.

И эту боль, и трещину внутри
Не зашептать и не избыть вовеки.
...Шиповник ни о чём не говорит.
Он лепестки смыкает, будто веки,

В закатном свете. Лёгким ветерком
Бутоны золотой ласкает вечер.
Не плачьте о беспамятстве людском
И за живых – зажгите молча свечи.

Сосна

Среди зимы прибоя отголоски
Доносятся, гоня с души печаль.
Одна сосна (времен ещё петровских)
Стоит, как будто вглядываясь вдаль.

Сковало льдами волн могучих гривы —
Стремительно, стихийно, на бегу.
Вздыхает бор над замершим заливом,
В безмолвии застыв на берегу.

Но снегири, восторженно алая,
Не бросят нас грустить в метельной мгле,
И повторяя подвиг Прометея,
Огонь несут к заснеженной Земле.

И снова небо красками богато,
Какой пожар пылает с высоты!
Деревья улыбаются закату,
Храня внутри весенние мечты,

И кроны их на небе ярко-алом
Как будто бы прочерчены углём.
А та сосна, что о морях мечтала,
Однажды станет славным кораблём.

Ночи белые над садом

Писем нет. Усталый вечер умывается дождём.

Мы одной заветной встречи столько дней протяжных ждём,

Что в века уже сложились – ожиданью нет конца.

...А вчера лазурный ирис распустился у крыльца.

Не грустя, души касаясь нежно-нежно, чуть дыша,

Я качаю, улыбаясь, на коленях малыша.

Дни тихи и гости редки. (А желанный – лишь один).

Ароматной, тонкой веткой к небу тянется жасмин.

Я тебе бы рассказала, как в рассветную пору

На лоскутном одеяле разметалась поутру

Лепестков душистых стая. А под вечер на окне

Милый зяблик пел, порхая и подмигивая мне.

Лето... Папоротник листья распушил, в узор сложив.

Не доходят, видно, письма. Ну и ладно. Был бы жив,

Был бы здоров – уже отрада. ...Ветер песню вдаль унёс,

Ночи белые над садом сеют в травы звёзды рос.

Кальвадос

Там, где закат цветком раскрылся ало,
Даря лучи изменчивой волне,
Мы будем пить кальвадос из бокалов
И говорить о мире и войне.
О славном прошлом, вырванном с корнями
(Фантомна боль оторванных корней!)
О том, что было с нами и не с нами
В безумной череде кровавых дней,
Отчаянно хватаясь друг за друга,
Хоть каждый – дальше самых дальних звёзд...
...А за окном опять всё та же выюга —
На тысячи бескрайних русских вёрст.

Так много снега и так мало света,
Вздохнёшь – и изо рта метельный пар.
Какой кальвадос? Даже водки нету.
И я спешу поставить самовар.
Огонь и чай – щедрейшие подарки
Сегодня от неласковой судьбы.
А рядом – Триумфальной краше арки
Могучие старинные дубы.

Смотрю в окно – и словно сказку вижу,
Ожившую на этих берегах.
Она прекрасней Ниццы и Парижа —

Земля моя, уснувшая в снегах.
В такую ночь одна любовь и греет,
На вечность вновь растягивая миг.
А времена – такие ж. Не светлее,
Чем на страницах Ремарковских книг.

А прабабушка очень любила сирени

*Моим родным – прабабушке Марии Григорьевне
и прадеду Андрею Алексеевичу*

А прабабушка очень любила сирени —
Сад уютный, ограды чугунную вязь...
Муж носил ей охапки и клал на колени,
А она улыбалась, от счастья светясь.

В мае дом – настезь окна, разбуженный, чистый,
Пол с рассветом любовно натёрт добела.
И гуляет по горнице ветер душистый,
Занавески вздымая, как птичьи крыла.

Не осталось потомкам ни дома, ни сада,
Лишь на фото в альбоме заветный тот сад,
Где прабабушка Маша погибла в блокаду.
Прадед в страшный тот год защищал Сталинград.

В сорок пятом вернувшись, застал только остов,
В неизвестной могиле родная жена.
Стал с тех пор, словно необитаемый остров,
И геройства, и горя отдавав сполна.

И лишь в мае сиреней лиловое пламя
Оживало и нимбом сияло над ним,

Словно тонкая ниточка между мирами,
Словно память о тех, кто, как прежде, любим.

Он вздыхал, усмехаясь, застенчиво-мудрый,
И шептал: «Как же долго здесь не были мы...
Обнимать бы сиреней душистые кудри
И не помнить вовек сталинградской зимы.
И не помнить вовек ленинградской зимы»...

Февраль

В пушистом снегу очарованный дом —
Так ласков февраль на земле.
Касается ирис лазурным крылом
Прохладной воды в хрустале.

Рябины осталась последняя гроздь —
Не страшно, так близко весна.
Ночами поёт мне застенчивый дрозд,
На ветку присев у окна.

А с улицы льётся медовый янтарь
На тропки прерывистых строк.
Снежинок влечёт одинокий фонарь,
Как бабочек – дивный цветок.

И смотрит фонарщик на старом мосту
В плену у заснеженных грёз,
Как нежно целует рассвет бересту
Проснувшихся тонких берёз.

Душа закону высшему верна

Средь темноты, неправды и разбоя,
Когда ни лат, ни дружеской руки,
Тот не умрёт, кто может быть собою,
Всем временам суровым вопреки.

Не сгинет тот, кто в путь идёт без маски
И, веря в жизнь, всему живому рад,
Растит цветы и дарит миру сказки,
Хотя внутри порой бушует ад.

Ты спросишь вновь: нужны ль сейчас поэты?
Но, хороши они или плохи,
Во тьме – бесценна даже капля света,
В войну – нежней рождаются стихи.

Пусть волшебство упрямый ум разрушит,
Пусть лучший мир пока на грани сна,
Не запереть в темницу боли душу —
Душа закону высшему верна.

ТАТЬЯНА КОСАРЕВА



***Поэт, член ЛИТО "Виват, Петербург!",
член СП России, автор нескольких книг.***

ТАТЬЯНА КОСАРЕВА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.